

## ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ\*

### ГЛАВА 6. ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РАМКАХ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Плюсы и минусы использования различного смысла понятия «цивилизация». § 2. Соотношение понятий «цивилизация» и «формация». § 3. Цивилизации как пространственно-временные группировки обществ: некоторые характеристики. § 4. Цивилизации и стадии исторического процесса. § 5. Формирование цивилизаций. § 6. Цивилизации в классическую эпоху. § 7. Переход к новым культурным группировкам. Надлом цивилизаций. § 8. Квазицивилизации. § 9. Цивилизации и современные процессы.

#### § 9. Цивилизации и современные процессы

Перемены в сегодняшнем мире крайне многообразны. Поэтому для их описания и объяснения нужна большая группа теорий и методик. Каким-то одним фактором или процессом объяснить их невозможно<sup>1</sup>. Я, разумеется, и не ставил перед собой столь невыполнимую задачу. Речь идет только об определенной линии в избранных мною в этой главе рамках исследования. Однако, думаю, что в этом аспекте концепция ухода и постепенного исчезновения цивили-

---

\* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1–6; 1998. № 1–3.

<sup>1</sup> Тем более таким ключом не могут служить идеи перехода к новой всемирной цивилизации, столкновения цивилизаций, конца истории или чего-то подобного и эффектного. Эти концепции не способны адекватно объяснить даже один аспект, одну линию исторического процесса.

лизаций как пространственно-временных группировок обществ и замены их нового типа группировками многое помогает понять.

Но чтобы составить хотя бы общее представление о современной ситуации, одной этой идеи явно недостаточно. Сегодняшние процессы не просто многообразны и разнонаправленны, пестры и многолики. Главное, что многие из них еще в начальных стадиях и лишь набирают силу, а результаты их пока вовсе не ясны и вызывают острые споры. Следовательно, они не имеют даже такой неполной степени завершенности, как процесс формирования и взросления квазицивилизаций. Ведь то, что некоторые из них уже исчезли, исчерпав свой жизненный ресурс, все-таки дает возможность яснее представлять результат развития оставшихся квазицивилизаций, хотя любое заглядывание в будущее, любой перенос прежних циклов на новые периоды чреваты ошибками.

Но, несмотря на такие трудности, современные процессы совершенно необходимо теоретически осмыслить в увязке со всем ходом исторического процесса. Здесь возникает много проблем. Например, что будут представлять из себя нового типа культурные группировки будущего, черты которых сегодня только угадываются, а также, какую роль может сыграть цивилизационный субстрат в их формировании. Но даже для самого приблизительного и общего ответа на подобные вопросы я считаю методологически совершенно необходимым **выделить ведущие и боковые направления развития.**

Возьмем, например, национализм. В этом параграфе (в избранном для исследования аспекте) затронуты причины его подъема и его перспективы в современном мире, а также связь национализма с цивилизационными моментами. Какова его судьба как идеологии и как мощной движущей силы? Ведь он исключительно многолик и выполняет исторически разную роль. К тому же сегодня во многих случаях национальное и цивилизационное очень тесно связаны. Распад и уход цивилизаций сопровождаются ростом национализма, а вызревание квазицивилизаций и их активная борьба за влияние в мире во многом опираются на националистическую идеологию. При этом многие общества и квазицивилизации, по сути, ведут борьбу с генеральными тенденциями будущего под в целом уже

устаревшими лозунгами (вроде борьбы с империализмом, неокOLONиализмом и т. п.). Чтобы разобраться в таком клубке явлений, также теоретически необходимым было **выделить разные линии развития: генеральную и боковые**. Они соответственно выражаются в тенденции к уменьшению национального суверенитета, с одной стороны, и росту национализма, в том числе агрессивного и эгоистичного, не желающего считаться с мировыми требованиями и задачами, – с другой.

Итак, мы видели, что с XIX в. цивилизации в разных местах начали трансформироваться в новые виды культурных группировок: религиозные и секулярные квазицивилизации. В тех же районах, которые не знали цивилизаций или были периферийной частью христианской цивилизации, стали образовываться их аналоги. По времени это началось раньше всего в Латинской Америке. Но мы начнем рассмотрение с Африки.

В новое время европейцы застали кое-где на этом континенте зарождающиеся очаги цивилизации на базе раннегосударственных образований. Но у них не хватило ни времени, ни потенциалов, чтобы сформироваться. В Африке также имелись периферийные районы христианства (в Эфиопии) и ислама. Этот материк, казалось бы, был наиболее подходящим местом для возникновения новой цивилизации. Но история Африки как раз нагляднее всего подтверждает, что время для этого ушло. Цивилизации здесь так и не появились. Но, если даже не брать во внимание невозможность повторения таких процессов в современном мире, все равно необходимые условия в Африке и сегодня полностью не сложились. Нет единой развитой религии и соответствующих идеологических связей, узлов и слоев, которые создают цивилизацию. И хотя часть интеллектуальных и политических лидеров и связывает надежды на духовное возрождение Африки с традиционными религиями и культурными институтами, старая культура не имеет шансов вырасти во что-то перспективное, ибо для этого требуется слишком много времени<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> Такие надежды, что возрождение Африки должно основываться на системе африканского мировоззрения, что можно соединить африканские религии, традиционные ценности и социализм и т. п., были и, в меньшей степени, все еще остаются популярными среди

А большинство местной интеллигенции, из тех, что не погрязли в кумовстве и коррупции полностью, даже если они субъективно чувствуют себя «почвенниками», фактически оторвались от корней и тяготеют к западной культуре.

Но в то же время определенное духовное надгосударственное и надэтническое единство в XX веке на черном континенте сложилось. Однако из-за того, что государственность в Африке за отдельными исключениями формировалась в лоне колониализма и фактически приобрела более высокие формы, чем требовал уровень развития, а также благодаря определенному подъему производства, образования и перениманию в отдельных сферах более высоких отношений эту культурную группировку следует относить хотя и к весьма примитивному, но все-таки **послецивилизационному** типу.

Из прошлого параграфа, хотя я и не заострял на этом внимание, должно быть совершенно ясно, что, как и любое явление, длительно существующее в историческом времени, квазицивилизации и их аналоги в зависимости от стадии зрелости (и, конечно, других причин) очень сильно отличаются по степени развитости и культурности. Ясно, что чем зрелее такая группировка (при прочих равных условиях), чем выше, например, грамотность населения, численность интеллигенции, способность к восприятию мировых достижений и т. п., тем развитее она. Даже на протяжении нескольких десятилетий степень развитости меняется радикально. В 30-е годы в СССР неграмотных и малограмотных было большинство, а основу населения составляли крестьяне. В 80-е годы ситуация изменилась кардинально. Разные стадии зрелости группировок отличаются едва ли не так, как разные типы техники. Сравните паровые машины первой половины XIX и первой половины XX века!

---

интеллигенции. В прежнее время они даже становились программными пунктами государственных манифестов, например в Кении. Однако даже страстный патриот африканских религий Окот п'Битек на свой же вопрос: «Переживут ли африканские божества революцию в науке и философии, убившую христианского бога?» – сам отвечает: «Я в этом сомневаюсь» (п'Битек О. Африканские традиционные религии. М., 1979. С. 99). Конечно, религии умудряются найти свою нишу, поэтому речь не об их исчезновении, а о том, какую роль в духовной жизни смогут они играть, центральную или нет, и станут ли они локомотивами движения вперед.

Отсюда понятно: раз Африка еще находится на весьма низкой стадии развития, то и тип культурной группировки еще едва соответствует самым первым этапам третьей формации, а в некоторых отношениях он еще ниже. Следовательно, эту группировку по многим параметрам невозможно сравнивать с более развитыми. Но все же в стадиальном плане она выше цивилизационных группировок. К тому же ее отсталость в некоторой степени компенсирует то, что интеллигенция пользуется плодами более высокой культуры.

Но, с другой стороны, «перепрыгивание» через культурную стадию чувствительно дает себя знать. То, что в Африке не было цивилизации, одна из функций которой несколько нивелировать, уравнивать в культурном и мировоззренческом (а частично и в бытовом) отношениях, а также сплачивать составляющие ее этносы и общества, играет очень большую роль. В Африке гораздо слабее нижний, местный слой культурной группировки. И, кстати сказать, определенная редукция к цивилизационным основам по мере взросления этой группировки должна быть, например, в реанимации для националистических целей местных религий или в призывах к возврату к традиционным ценностям, которые якобы более органичны африканскому духу, и т. п. Но решающего значения для сплочения Африки это иметь не может.

Таким образом, **нижний слой еще во многом доцивилизационный, а верхний уже во многом постцивилизационный.**

И это делает такую культурную группировку слабой, рыхлой, подверженной разным влияниям. На нижнем слое из-за того, что мало по-настоящему крепких и устойчивых государств, еще очень и очень силен трибализм, следовательно, отсутствуют национальное самосознание и минимальный уровень национализма. Верхний же слой более развит, поскольку идеологи пользуются плодами более высокой культуры. В целом это свойственно и некоторым квазицивилизациям, но в Африке проявляется исключительно сильно.

Что же объединяет африканские страны? Объективно – региональная и расовая близость, исторические судьбы бывших колоний, общий уровень развития и сходство в общественных институтах и типах старых религий. Многие страны имеют и языковое родство. Но в нашем аспекте самый главный вопрос: что есть

современная Африка в плане идейного единства? Существенно ее сплотила борьба против колониализма и апартеида. Сегодня же существует нечто вроде межгосударственной официальной идеологии, а именно идея униженного и ограбленного континента, которому теперь бывшие поработители должны возместить все мыслимые и немыслимые потери.

До конца XIX века африканские народы, исключая мусульман и христиан, почти не имели интеллигенции и не ощутили себя целостностью. Идея panaфриканского единства и единой африканской культуры стала формироваться на рубеже XIX – начала XX веков. К середине XX века она стала обретать и первые организационные формы. Подъем национально-освободительного антиколониального движения помог Африке осознать себя единой, ускорила процесс формирования будущих наций. Эти лозунги, без сомнения, затронули и значительную часть населения. Была создана и общафриканская политическая организация (Организация Африканского Единства), а также целый ряд региональных экономических. Длительное время незаконченная борьба с колониализмом и режимом ЮАР, подогреваемая вмешательством СССР и Кубы, поддерживала эту освободительную идеологию. Однако по мере получения независимости обнаружились огромные трудности и неспособность их преодолеть. Поэтому наступило разочарование в прежней идеологии. В результате многие из интеллигенции «пришли к мысли, что колониализм как институт был не только отрицательным, но и положительным фактором»<sup>3</sup>.

Теории единого фронта борьбы с колонизаторами и неоконизаторами пошли на спад и трансформировались в идею «долга» Африке со стороны Запада. Образ врага, характерный для исследуемых группировок, следовательно, присутствует и здесь. Но чтобы сплотить общество и общества, такая идеология должна спуститься на низкий, межличностный, внутриколлективный, бытовой уровень. Этого явно нет. Среди большинства населения эти идеи не получили прочной опоры, поскольку массы во многих местах еще не доросли до представления даже о национальном, не говоря уже

---

<sup>3</sup> Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1974. С. 268.

о межнациональном единстве. Поэтому данная идеология имеет поверхностный, некрепкий еще характер, тем более что между странами сегодня расслоение гораздо большее, чем оно было в 50–60-е годы. Страны Магриба, Судан и некоторые сахарские государства все сильнее тяготеют к исламской квазицивилизации. Часть бывших французских колоний связана с Европейским Союзом.

Как и другие послецивилизационные группировки начальной стадии, Африка также подвержена идеологическому плюрализму. Но, поскольку тут не было цивилизации, он свойствен ей еще в большей степени: ведь идеологии и религии стремятся занять сразу две ниши. Африка сосредоточила в себе ряд идеологий третьей формации. СССР много сделал для проникновения туда марксизма, и некоторые режимы исповедовали его (в собственном, конечно, варианте). Западные идеи либерализма, демократии и прочего тоже имеют сторонников. Активно вторгается в некоторые районы ислам. Католичество пытается не только удержать и расширить свои позиции. Не ослабляют своей деятельности и протестантские конфессии. В некоторых случаях правящие режимы берут на вооружение и местные идеологии, например негритюд или культурный национализм.

В известной мере можно считать чем-то вроде одного из вариантов идеологии (кстати, свойственный в очень большой степени и Латинской Америке) постоянные попытки армии взять власть и ответственность за развитие событий на себя. Быть может, это некоторая замена крепости этнических и государственных традиций. Ведь по наблюдениям ряда исследователей, например Б. Брайса, такие явления, как трибализм, менее характерны для вооруженных сил Тропической Африки, чем для общества в целом. Армия обособлена, военнослужащие теряют связи с родственниками и друзьями и по некоторым причинам чувствуют себя более привилегированным слоем, чем их соплеменники<sup>4</sup>. Самуэль Декало, в свою очередь, отмечает, «что армия обычно появляется на арене политической борьбы, когда ее корпоративные интересы находятся под угрозой, и действует в этих случаях как самый организованный

---

<sup>4</sup> См.: Зарубежная историография о роли вооруженных сил в странах Африки: Реферативный сборник. М., 1977. С. 154.

профсоюз в стране»<sup>5</sup>. Следовательно, армия нередко выступает как силовой стержень в рыхлой политической структуре.

Таким образом, как культурная группировка Африка (особенно без магрибских мусульманских стран) существует. Ее можно было бы назвать **регионально-расовой**. Но она достаточно аморфна, поскольку история не выработала единой африканской культуры. Можно говорить лишь о многих культурах, имеющих определенное сходство, в том числе и в плане их исходно низкого уровня. Каков дальнейший путь Африки в указанном аспекте, сказать сложно. Она может в конечном счете разделиться на несколько более идеологически оформленных регионов, если, например, ряд стран оторвется от общего отсталого уровня, а часть примкнет к более высоким или богатым группировкам. С другой стороны, нельзя отрицать того, что идеи бедного Юга способны быть в какое-то время достаточно спланивающими. Но все же такая идеология не может сравниться в этом плане с развитой религией и вряд ли способна сколько-нибудь серьезно и длительно интегрировать регион. Ведь стоит какому-либо африканскому обществу сделать рывок в развитии, как подобная идеология становится уже и невыгодной для него самого. К тому же она держится, пока ее морально признают развитые страны, что не может длиться вечно.

Существует и возможность возникновения квазицивилизации на почве каких-то национально-расовых (региональных) идеологий. Расовые, точнее, расово-политические идеи весьма удобны и, можно сказать, естественны для Африки. Об этом свидетельствует, в частности, и эволюция теории негритуада. Но до того, чтобы такая идеология по-настоящему сплотила континент или его значительную часть, Африке еще нужно дорасти и в экономическом, и в этническом, и в политическом отношениях. При подъеме национализма, как сказано, могут быть взяты на вооружение и атрибуты прошлого, в частности местные религии. Надо сказать, что и сами они постепенно изменяются, особенно за счет заимствований многих идей из христианства, других вер и идеологий. Но в целом для указанных целей примитивную религию придется «доразвивать» с

---

<sup>5</sup> Там же. С. 114.

помощью государства. А сделать это достаточно трудно хотя бы потому, что такие религии мало связаны с моралью и обслуживанием современных политических институтов.

Иногда цивилизациями называют такие регионы, как Латинская Америка. Казалось бы, единые религия и язык, географическая близость, общность исторических судеб и стоящих проблем, ряд общих культурных и расово-этнических особенностей должны были способствовать формированию латиноамериканской цивилизации. Но в период испано-португальского католического господства это было невозможно, а позже время формирования цивилизаций ушло окончательно. В конечном счете здесь сложилась уже послецивилизационная культурная общность. По сравнению с Африкой этот регион и намного более развит, и имел цивилизационную основу. Поэтому нижний слой культурной группировки в виде религиозных и светских идеологий существенно развит. Зато верхний достаточно слаб. Правда, в период борьбы за независимость возникли ростки общей для континента национально-революционной идеологии. Это укрепило осознание Латинской Америки как чего-то единого, которое зародилось уже в период испанского владычества. Но это мировоззрение дальше существенно не развилось. Не появилось и никакой иной общей идеологии. Хотя здесь временами и усиливались антиимпериалистические настроения и пропагандировались идеи континента, страдающего от неокolonизма (прежде всего со стороны США), в целом они играли здесь меньшую роль, чем даже в Африке.

Следовательно, говорить об этой группировке как о квазицивилизации нельзя. Последняя, думается, уже и не сложится здесь, поскольку латиноамериканские страны, во всяком случае наиболее передовые из них, во многом уже переросли этап, когда такие жесткие идеологии могут охватить общество.

Почему в Латинской Америке не возникло общей идеологии? Мне кажется, важнейшая причина в том, что здесь роль католической церкви была очень велика. Тут даже возникали церковные государства (в XVII в. в Парагвае господствовали иезуиты), а священники нередко возглавляли народные восстания и революции. Поэтому новой религии здесь появиться не могло. Местные и аф-

риканские культы так или иначе смешались с христианством, но принципиально нового из этого не получилось. Реформация запоздала и была очень неполной. Следовательно, католичество перестроиться так, чтобы взять на себя политические функции, не сумело. По мере же индустриализации, роста образования и влияния Европы постепенно его роль существенно уменьшалась, а ничего нового, равноценного ему на смену не пришло. Собственная культура выросла, но на основе европейской. В результате для этой постцивилизационной группировки исключительно характерен идеологический плюрализм. Причем, поскольку религия не сумела перестроиться, а общества в ряде отношений были более высокими, чем в азиатских религиозных квазидоцивилизациях, здесь широко распространяются секулярные идеологии.

С одной стороны, Латинская Америка тянется к западной модели. С другой – это регион, уже давно склонный к революционности, в XX веке – к марксизму. И если бы не помощь США и их мощное противодействие коммунизму (вплоть до карательных санкций), и если бы СССР был поближе, то вполне возможно, что социализм занял бы почетное место на территории этого региона. Жизнь показала, что он хорошо здесь приживался (на Кубе существует уже 40 лет), и многие страны оказались подвержены этой идеологии<sup>6</sup>.

Питер Бергер объясняет притягательность марксизма для интеллигенции, особенно развивающихся стран, следующим образом. Интеллигенция заметнее любых групп населения отделилась от религии и религиозной морали и поэтому сильнее всех страдает от «отчуждения», свойственного современному образу жизни. Поэтому ее представители восприимчивее ко всяким мирским послани-

---

<sup>6</sup> Например, в Перу огромную роль играла и все еще играет коммунистическая маоистская организация «Сендеро Луминосо». С 1980 г. она начала открытую борьбу за власть, утвердилась в ряде районов страны, где установила «революционную законность», т. е. казнила «по приговору революционного трибунала» представителей местной администрации, перераспределяла имущество и т. д. В целом установился такой террор, что даже крестьяне постепенно стали отворачиваться от нее. Т. Е. Ворожейкина, из статьи которой я взял эти сведения, совершенно верно отмечает, что возникновение этой организации явилось следствием ускоренной модернизации и тех трудностей для населения, которые возникли в связи с ломкой традиционного уклада. (См.: Ворожейкина Т. Е. Государство и общество в Перу//Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 65–66.)

ям, возвещающим об искуплении грехов. Социализм же обещает и плоды модернизации, и восстановление утраченных ценностей традиционного периода. Интеллигенция в первую очередь поддается на эту идеологическую приманку. К тому же ее представители склоняются в пользу социализма, поскольку полагают, что это общество даст им власть и привилегии, в которых им отказывает капитализм или современный им строй<sup>7</sup>. Это же объясняет и склонность к национализму и ему родственным идеологиям. Нашли здесь свое место и фашизм, и расизм. Вообще этот континент склонен к идеологии насилия: масса переворотов, революций, насильственного реформирования, терроризма сопровождает его историю и по самый последний день.

Общества Латинской Америки политизируются, о чем свидетельствует, скажем, рост в 60–80-е годы массового движения самого разного плана (в том числе низового, народного). «Наряду с христианскими низовыми общинами, это были правозащитные, экологические, кооперативные, индейские движения, комитеты жителей народных кварталов и «поселков нищеты», безработных и бездомных, женские, материнские и молодежные организации»<sup>8</sup>. В последние десятилетия появились по направлению чисто западные движения, например «гуманистическое». Оно появилось в Аргентине, распространилось на ряд стран Латинской Америки и даже Европы, а в 1989 г. даже оформился Гуманистический интернационал<sup>9</sup>. Таким образом, данная группировка приобретает зрелость. Я назвал бы ее **этно-культурной**. Единство выражается и в организационных формах. Создано много политических, военных и особенно экономических объединений. Но возможно, что эта группировка распадется в связи с увеличивающимся разрывом в уровне развитости между странами. Мексика, скажем, вполне определенно тяготе-

---

<sup>7</sup> Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994. С. 252–253. Поэтому, когда автор вышеупомянутой статьи о Перу называет идеологию маоизма, взятую на вооружение сендеристами, «весьма экзотической в условиях Перу» (Ворожейкина Т. Е. УК. соч. С. 65), это поверхностное суждение. Я думаю, что в условиях идеологического вакуума как раз такие идеологии: простые, доступные, много обещающие и исключющие для человека трудность самостоятельного решения – являются весьма подходящими. Особенно для новой интеллигенции и студенчества, склонных к радикализму.

<sup>8</sup> Строганов А. И. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995. С. 382.

<sup>9</sup> Там же. С. 383.

ет к США. Не исключено, что США сумеют стать центром интеграции обеих Америк. Для части стран может оказаться привлекательнее интеграция в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Итак, вернемся к тезису об исчезновении цивилизаций. Поскольку ритмы развития разных сфер неодинаковы, сильно различен по темпам, времени и радикальности и уход разных элементов цивилизации. Живые остатки и огромные участки цивилизаций в Индии, исламских странах, Китае и т. п. держатся на том, что образ жизни во многом остается старым: неграмотность или малограмотность характерны для села, так же как прежний тип семьи, а то и общины. Естественно, что, по мере того как эти явления будут исчезать, начнут уходить и остатки цивилизаций. Но, конечно, не сразу. Ведь этнические и религиозные стереотипы передаются на самом низком (межличностном) уровне и поэтому держатся весьма долго. Поэтому любому традиционному обществу, устои которого изменились, а с ним изменились и понятия о статусе, месте в обществе, ценностях, свойственны ломка психологии и дискомфорт. Разве и мы не испытываем подобного?

Уход цивилизаций как живых систем в прошлое ощущается очень многими. Однако объяснения этому даются самые разные. Смена цивилизаций, их столкновение, переход от локальных к мировой цивилизации, даже конец истории<sup>10</sup>. Некоторые авторы говорят о конце формационности как способа развития обществ. К последнему тезису мы еще вернемся в следующих главах. А сейчас попробуем разобраться, что же означает исчезновение цивилизаций? А это означает, что они одновременно и уходят и остаются. И эта диалектика сбивает с толку многих исследователей. В качестве примера остановлюсь на одной статье о конфуцианстве. В ней приводится мнение ряда китайских и российских ученых, что сегодня **«конфуцианство в КНР как мировоззренческая система перестало существовать, поскольку оно потеряло способность продуцировать новое** и, оказавшись лицом к лицу с христианской

---

<sup>10</sup> Но история – это развитие, а не разнообразие, поэтому даже при полном перенимании западной культуры другими обществами (вариант чисто абстрактный) история не кончится. Впрочем, в будущем хватит и разнообразия.

культурой, потерпело поражение»<sup>11</sup>. В то же время подчеркивается, что конфуцианские ценности играют большую роль не только в Китае, но и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии<sup>12</sup>. На первый взгляд, одно противоречит другому, и так же выглядит и в контексте статьи. Но на самом деле это очень типично для постцивилизационной эпохи. Ценности могут оставаться (христианские ценности оставались даже в атеистическом Советском Союзе) и играть существенную роль. А идеологическая система уже разрушена или – в религиозных квазичивилизациях – трансформировалась. Стоит также обратить внимание: не столкновение с **христианской** культурой, а столкновение с технологической, более производительной и мощной системой, разрушает цивилизации. Попытки представить отступление цивилизаций в современном мире как результат столкновения равновеликих культур (западной и восточных) совершенно неадекватны.

Исчезновение цивилизаций означает также, что исключительно на цивилизационной основе какое-то жизнеспособное в условиях современности новое появиться уже не может. Новое может родиться только при переносе, «трансплантации» передового на цивилизационную почву. Иными словами, возможность частичного сохранения старого в том, чтобы умело совместить сильные (для современных задач) стороны цивилизации с новым.

Но исторические традиции и особенности, склад мышления и привычки людей – это определенный слой, который начинает играть роль важного преимущества только тогда, когда система открывает для этих потенциалов дорогу. Это как талант или способности: чтобы они реализовались, нужны подходящие условия. В отношении же наций такие условия иногда складываются лишь через века. С другой стороны, лучше или хуже, но определенные качества должны развивать и другие общества, поскольку они стремятся не отстать. В свою очередь, у них есть и собственные потенциалы. Кроме того, сегодняшнее преимущество завтра может обернуться

---

<sup>11</sup> Шикин Ю. М. Человек в политической жизни конфуцианского общества//Первый Российский философский конгресс. Т. IV. СПб., 1997. С. 429. С выделенным мной местом стоит не просто согласиться, но и добавить, что конфуцианство как мировоззренческая система сдало свои позиции не только в Китае.

<sup>12</sup> Там же.

недостатком, тормозом. Следовательно, «религия и этика могут обеспечить узаконение, но не побудительные мотивы поведения в хозяйственной сфере»<sup>13</sup>, а «культурное сравнительное преимущество может быть только временным, причем сознательными действиями его можно изменять как в положительную, так и в отрицательную сторону или утратить вовсе»<sup>14</sup>.

Поэтому неверно цивилизационные (религиозные, национальные или иные) особенности выставлять как всегда определяющий фактор, указанием на который все можно объяснить и который, в представлении ряда авторов, является как бы некоей неизменной сущностью. С одной стороны, старое и привычное не уходит быстро и легко, оно на каких-то уровнях сохраняется, иногда исключительно долго. Но с другой – когда трансформируется система, старое никак не может остаться неизменным, и оно всегда так или иначе меняет обличья. Роль его не может быть постоянной (так можно условно считать для определенных задач и периодов, но в строго ограниченных рамках). В связи же с тем, что жизнь сегодня весьма динамична, существенно преобразуются и те вещи, которые кажутся вроде бы вечно стабильными. Сравните хотя бы отношение каждого поколения к религии, браку, семье, сексу, удовольствиям, долгу и т. д., учтите влияние мировой среды и еще множества вещей, и станет ясно, что и в «неизменном» идут, пусть и не очень заметные, изменения, при накоплении определенного количества которых нечто вдруг меняется радикально. Агрессивные и воинственные прежде народы теперь направляют свою энергию на совсем иные цели. Народы, в которых государственность была искони слаба, вдруг проявляют особое стремление к возвеличиванию своей нации и государства и наоборот. И масса иных примеров.

В связи с вышеизложенным полезно посмотреть на страны Восточной Азии, так называемые «новые тигры», или новые индустриальные страны: Южную Корею, Сингапур, Тайвань и др. Питер Бергер совершенно справедливо называет восточноазиатскую модель «вторым вариантом» капитализма<sup>15</sup>. Причем важные условия для такого динамичного развития дает этика конфуцианства. И

---

<sup>13</sup> Бергер П. Ук. соч. С. 207.

<sup>14</sup> Там же. С. 214.

вслед за другими Бергер отмечает эти качества: практицизм, прагматизм, активная, а не пассивная жизненная установка, большой интерес к материальным благам, привычка к дисциплине и лояльность к власти, способность к ограничению потребления ради будущего и т. д.<sup>16</sup>. Однако он предостерегает от преувеличения роли цивилизационных корней в поисках причин успеха модернизации. «Некоторые историки и отдельные антропологи, – пишет он, – смотрят на культуру как на какое-то древнее зачатие, произнесенное столетиями раньше и определяющее судьбу всех последующих поколений. Подобный взгляд столь же неверен, как и тот, который совсем игнорирует культуру»<sup>17</sup>.

Таким образом, цивилизационные исходные послышки не предопределяют абсолютно в каждый исторический момент потенции обществ. Но, конечно, нередки и ситуации, когда те или иные качества населения и общественных структур становятся относительным преимуществом перед странами других культурных ареалов. В этом случае задача – скрестить две системы, чтобы получился жизнеспособный организм, но в современных условиях семья развития имеется только в заимствованном, а в местном – удачная форма или почва. Тут стоит сказать, что при прочих равных условиях в религиозных квазицивилизациях, в которых роль религии менее тотальна, объективно условий для модернизационного рывка больше. И среди стран, сделавших наибольшие успехи в экономике, таких большинство.

Сравнивая сегодняшние возможности тех или иных цивилизаций, надо иметь в виду не просто различия в культурных традициях, но и общий уровень развития культуры. Можно спорить о до-

---

<sup>15</sup> Сегодняшний кризис в этом регионе как раз подтверждает эту особенность и определенную незрелость индустриализма там, связанную в том числе и с большой диспропорцией между производительными силами и общественными институтами.

<sup>16</sup> См.: Бергер П. Ук. соч. С. 208. Попытки представить культурные особенности неизменным элементом так же неудовлетворительны, как и стремление выявить неизменную «природу человека» вообще. По словам Джона Дьюи, эти теоретики пренебрегли основным вопросом: «Как составные элементы человеческой природы стимулируются и подавляются, усиливаются и ослабляются; каким образом определяется их структура в процессе взаимодействия с условиями культуры» (Дьюи Д. Свобода и культура. London, 1968. С. 48). И в обоих случаях утверждения о неизменности тех или иных качеств могли соответствовать «целям и политике, которые данная группа стремилась осуществить» (Там же).

<sup>17</sup> Бергер П. Ук. соч. С. 213–214.

стоинствах и недостатках ислама и, например, буддизма в их потенциях к модернизации, но нельзя ставить рядом с ними Африку, поскольку ее исходный уровень значительно ниже. Также и сравнивая страны разных цивилизаций, следует помнить об их исходном культурном уровне. В этом плане, скажем, Иран или Египет несравнимы со странами Персидского залива, жители которых лишь недавно были кочевниками (а часть остается такой и по сегодня).

Рассматривая европейский и восточноазиатский варианты капитализма, конечно, нельзя не увидеть множества различий, в том числе обусловленных разным цивилизационным наследием. Однако при господстве однотипной технологии, соответственно и во многом однотипного образования, а также стандартов жизни и в значительной мере права, культурные различия между новыми и «старыми» индустриальными странами становятся на порядок-два меньше, чем прежде<sup>18</sup>. А остающиеся связаны не только принадлежностью к разным культурным ареалам, но, может быть, даже больше обусловлены все еще разным уровнем культуры. Поэтому различия между новыми и «старыми» индустриальными государствами сокращаются, а между новыми индустриальными странами и многими исламскими, тем более африканскими, растут.

Конечно, ритмы развития техники и культуры очень разнятся, и в этом часто трагедия нашего времени и источник всяческих сложностей. Привычки, суеверия, традиции не уходят так быстро, как старые средства производства. Однако же эти несходства ментальностей в быстро развивающихся странах занимают уже иную нишу в общественной системе<sup>19</sup>, чем прежде. Кроме того, связанная с современной техникой массовая культура, будь она американской,

---

<sup>18</sup> 30 лет назад З. Бжезинский отмечал, что наиболее передовые страны вступают в эпоху, в которой технология и особенно электроника в возрастающей степени определяют социальные изменения, преобразуя нравы, социальную структуру, ценности и мировоззрение общества (Brzezinski Z. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. N. Y., 1970. P. XIV). Сегодня все новые страны вступают в «технотронную» эпоху и сильно меняют свою культуру и прочее. Если же правы те, кто полагает, что лет через 20 стоимость общения через расстояния упадет во много раз и стимулы к общению соответственно возрастут, то это еще более усилит объединяющие и нивелирующие процессы.

<sup>19</sup> Хотя и способны в будущем явиться обоснованием каких-то амбиций или претензий, как сегодня в самых развитых странах вдруг авантюристические политики вспоминают о каких-то якобы особенностях глубокой давности и на этой основе говорят о необходимости отделения территории.

индийской, японской, мексиканской или какой-то еще, помимо национальных корней, рассчитана на международного потребителя (или годится для него), и, следовательно, идет неизбежный синтез всяких культур, образуется нечто новое, хотя и не всегда лучшее или достойное.

При анализе причин сохранения тех или иных элементов цивилизации очень важно иметь в виду, что многие стереотипы и отношения, оформившиеся в цивилизациях, вполне отвечают уровню производства, политической и социальной жизни еще и сегодня<sup>20</sup>. Вот на этой нише цивилизационные отношения и слои, если возникают сильные социальные группы, в них заинтересованные, могут задерживаться, стабилизироваться и, соединившись с новыми явлениями, превращаться в систему, преодолеть которую уже очень сложно<sup>21</sup>. Но это система уже иного, послецивилизационного типа. Данный процесс мы разбирали в прошлом параграфе.

Итак, смена чего-либо не есть его полное исчезновение. Главное, что изменилась структура в целом, ее основные связи и направления развития. Но значительная, иногда преобладающая часть элементов старого остается, порой прекрасно приживается и в новых условиях. Однако оно начинает играть уже более или менее иную роль, чем раньше, поскольку уходит из центра системы. Это может выражаться в том, что частично такие явления, преобразовавшись, поднимаются на более высокий уровень, а частично как бы спускаются на более низкие ступени в системной иерархии. Подобное происходит и при распаде цивилизаций. Цивилизационные формы порой начинают играть роль внешних маркеров в некоторых послецивилизационных процессах. Поэтому различия между богатыми и бедными странами, между развитыми и их догоняющи-

---

<sup>20</sup> Если в России традиционно люди привыкли к тому, что, с одной стороны, государство может издавать самые нелепые распоряжения и спорить с этим бесполезно или очень трудно, то с другой, они интуитивно считают, что все так же и должно делать государство. Это пока еще соответствует уровню развития и находится в ситуации, когда одно подпитывает другое.

<sup>21</sup> «Если посмотреть на элементы африканских стран в их совокупности, то можно заключить, что эта структура отличается необычайной жесткостью. Каждый из ее элементов характеризуется «встроенным» сопротивлением ко всякого рода преобразованиям, и, взаимодействуя в состоянии равновесия, структурные элементы усиливают друг друга» (Аке К. Политическая экономия Африки. М., 1985. С. 245).

ми, бывшими метрополиями и колониями, белой и другими расами принимают иной раз форму, которая кажется столкновением цивилизаций. Однако это уже более глобальные водоразделы современного мира.

Одновременно цивилизационные отношения заняли и более низкую нишу, поскольку они срачиваются с национальными моментами. Цивилизационный слой культуры и общественного сознания составляет очень важную часть национальных идеологий, поэтому, образно говоря, национализм очень любит рядиться в цивилизационные одежды. Но поскольку современное государство даже отсталых народов, как правило, вполне способно взять на себя и идеологические и культурные функции, которые прежде обычно могли реализоваться в основном на уровне межгосударственной культурной группировки, во многих случаях в этом симбиозе идей, идеологий и ментальности начинает преобладать именно национальное.

Прежде чем перейти к разговору о национализме, полезно вспомнить, насколько это разнообразное явление. Разумеется, это предмет особого исследования. Мы затронем его только в указанном выше ракурсе. Для нас стоит указать на необходимость учета уровня развития национализма, чистоту его идеологии и процессов, его роль в мире. Тем не менее, думается, что любая попытка увязать национальную тему с теорией исторического процесса важна, поскольку, по характеристике самих этнологов, академическая дисциплина, которую обычно называют «расовые и этнические отношения», богата литературой, но бедна теорией<sup>22</sup>.

С одной стороны, национализм, безусловно, связан с индустриализмом, что отмечается многими<sup>23</sup>. Например, Эрнст Геллнер утверждает, что «аграрные общества не стремятся использовать культуру для определения политических единиц, другими словами,

---

<sup>22</sup> Van den Berghe P. L. *The Ethnic Phenomenon*. N. Y.; Oxford, 1981. P. 1.

<sup>23</sup> Э. Ян, Э. Д. Смит, Р. Хилсман и другие указывают на то, что национализм не присущ органически человеку, что он сравнительно молод, и его «возраст» два-три столетия (часто его подъем связывается с Великой французской революцией), а кое-где и вовсе два-три десятилетия. Об этом вопросе см. также: Armstrong J. A. *Nations before Nationalism*. The University of N. Carolina, 1982. P. 4.

у них нет необходимости становиться националистическими»<sup>24</sup>. И с ним в общем плане (ведь бывали исключения и в доиндустриальный период) нужно согласиться. Однако, с другой стороны, промышленное развитие очень по-разному влияет на национальные процессы. И сегодня, как и в прежние времена, говоря словами Карла Дейча, в одних районах экономический рост ведет к национальной унификации, а в других – к национальным различиям<sup>25</sup>. Национальные особенности, конечно, играют весьма большую роль в темпах развития и уровне жизни стран. Достаточно вспомнить о Японии и отметить факт исключительной национальной однородности японцев, что, по словам одного японского автора, есть «божий дар для японской индустрии», поскольку работники хорошо понимают и чувствуют друг друга, порой даже без слов<sup>26</sup>. Но успешное экономическое развитие происходит и в условиях многонациональности, равно как и наоборот.

Национализм присутствует почти везде, и это подтверждает, что он органически свойствен третьей формации. В то же время он различен по функциям и прогрессивности, а также не похож в проявлениях и формах и на разных этапах этой формации, и в разных идеологических системах. Национализм в Африке неразрывен с трибализмом. Нации там только формируются, и в то же время процесс их формирования существенно осложнен новыми моментами: мировой интеграцией, невиданным ростом населения. Последний фактор, к слову сказать, оказывает огромное влияние и на национальные тенденции других континентов. Ведь никогда ранее численность народов не росла так быстро. Естественно, что сознание не успевает за этим.

В квазицивилизациях национализм чаще присутствует не в чистом, а в смешанном виде. Он нередко не просто осложнен религиозными и идеологическими проблемами, но сами национальные границы связаны с религиозными отличиями. Люди четко не разводят свою национальную и религиозную принадлежность. Это ха-

---

<sup>24</sup> Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 166.

<sup>25</sup> Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication an in inquiry into the foundations of nationality. Second Ed. Massachusetts institute of Technology. 1966. P. V.

<sup>26</sup> Моритани М. Современная технология и экономическое развитие Японии. М., 1986. С. 89.

рактерно, скажем, для Индии, Пакистана и некоторых других стран. Впрочем, разве в дореволюционной России главной характеристикой не была «православность», а не «русскость»? В то же время в крупных странах квазицивилизаций национализм ведущих наций напоминает прежний европейский: он великодержавного толка, в пределе стремится к тому, чтобы растворить меньшие народы. Соответственно национализм сепаратистский также агрессивен, террористичен и, как только завоевывает свое место, начинает подавлять собственные меньшинства. (Мы это хорошо видим и в странах СНГ.) Чем ближе к Европе, тем чище национализм. Кое-где в мире он играет роль секулярного фактора.

В крупных же и наиболее развитых нациях национализм имеет уже иные (системно более высокие) основания. Это национализм не столько агрессивный, сколько ностальгический, ибо людьми владеет ощущение, что нация начинает растворяться в международных процессах и общностях, и нечто стержневое в их жизни уходит. Вот, например, известный французский националист Ле Пен говорит: «Видимо, национализм является необходимой жизненной реакцией, направленной **против глобализации мира, создания общего мирового правительства**»<sup>27</sup>. Это характерное мнение. Только там, где процесс межгосударственной интеграции зашел так далеко, как в Европейском Союзе, этот момент выходит на первый план. В речах любого националиста малых народов, особенно в отсталых обществах, говорится о притеснении или ущемлении, старых обидах, а главное – требование независимости или автономии. У националистов наций крупных, но впавших в кризис, как в России, главная тема – величие их нации и что его надо возрождать и поддерживать. Националисты квазицивилизаций часто убеждены в мессианской роли данного народа и в том, что нужно быть непримиримым к его врагам. У тех, что стремятся стать региональными сверхдержавами (вроде Индии и Пакистана), главное – их место в элите государств. Часты сетования на гегемонию американцев и прочее. Но вопросы, связанные с глобализацией

---

<sup>27</sup> Интервью с Ле Пеном//Аргументы и факты. 1998. № 21. С. 3. (Выделено мной. – Л. Г.)

мира, всех их волнуют (если волнуют) гораздо меньше, чем националистов французских или английских.

Завершение распада цивилизаций сегодня идет не в вакууме и не изолированно. Этот процесс связан с массой других, точнее сказать, составляет часть общего потока. Но особо следует подчеркнуть его параллельность и связь с процессом, который еще только начинает обозначаться, поэтому недостаточно осознается, но вне которого трудно понять и уход цивилизаций. Это **распад государственных систем** как наиболее завершенных и оформленных, как в некоторых смыслах предельных и формирование политических систем более высокого типа. О чем идет речь?

Государство (развитое и централизованное) было и остается еще в плане дееспособности, участия в мировом процессе, формирования высших политических целей, оформленности и многом другом высшей единицей исторической и политической жизни. Однако в последние несколько десятков лет такими государствами все привычнее становятся именно **национальные** государства. В результате все более укореняется представление, будто «политические и национальные единицы должны совпадать»<sup>28</sup>, что каждую национальную культуру необходимо обеспечить «своей собственной политической крышей»<sup>29</sup>. Вместе с этим усилились национализм и процесс выделения каких-то частей из многонациональных государств или их распад. Нередко отсталые народы под крылом более мощной нации дорастают до собственной идеологии, которая вполне естественно становится националистической.

Это, конечно, еще не доказывает «кризис» государства в указанном выше плане. Но то, что национальные движения возникли и в странах, которые, казалось бы, давно и прочно сформировались и в которых не идет речь ни о каком национальном неравенстве, на мой взгляд, есть один из показателей того, что государство как главная единица и субъект исторического процесса начинает постепенно уступать место другим, более высоким. **Ослабление или расколы государств становятся частью все более важного процесса их интеграции в надгосударственные и наднациональные**

---

<sup>28</sup> Геллнер Э. Ук. соч. С. 23.

<sup>29</sup> Там же. С. 104.

**объединения.** Многие страны входят в них достаточно органично. Но в некоторых случаях по разным причинам (среди которых не последнее место занимает честолюбие политиков и вождей) часть нации стремится войти в такое (и мировое) сообщество прямо, непосредственно, минуя ступень более крупного государства.

Таким образом, допустимо сказать, что жизнь в национальном большом доме перестает быть совершеннейшей необходимостью для малых этносов. Почему?

Можно отметить достаточно очевидные, но тем не менее фундаментальные причины. Почему прежде удавалось объединить разнородные части и сплавить их в единые нации? Дело существенно могла облегчать определенная тяга к единству. Но она была решающей далеко не всегда. Часто на первый план выходила сила, собирающая земли. При этом международная ситуация и право были совсем иные, чем сейчас. Малые государства и народы не чувствовали себя в безопасности. В любой момент они могли стать жертвой агрессии или местом, где разворачивались кровавые события. Стало быть, объективных возможностей для их самостоятельного существования часто или не было, или они были плохие. Не то сейчас. Практически все чувствуют себя в безопасности, причем перекладывают заботу о ней на ведущие державы и мировое сообщество. Крошечные страны (если у них есть нефть) могут обогащаться, не беспокоясь по поводу того, что для охраны этого колоссального богатства нужна сильная армия. Реакция мирового сообщества на агрессию Ирака убеждает малые страны и нации в своей безопасности. Тогда для чего же нести бремя гегемонизма и несвободы в рамках крупных государств?

Итак, с приобретением безопасности у значительной части народов уходит и тяга к единению, тем более в странах, где единой нации не сложилось. Указанная ситуация может быть проиллюстрирована аналогией. Пока личности не были обеспечены независимость и безопасность, спокойное и комфортное пользование богатством, немногие отваживались порывать с коллективами и корпорациями (цехами, гильдиями, сообществами, братствами и т. п.), которые могли более или менее обеспечить защиту и права своих членов. Но по мере того как общество все более берет на себя эти

функции, желание нести обязанности в коллективе утрачивается, и коллективизм начинает рассматриваться как несвобода, тирания над личностью, тормоз развития.

Кроме того, чем шире размах и частота явления, тем либеральнее и терпимее к нему относится общественное мнение, в данном случае международное. В результате этого и с учетом общей либерализации ослабевает и репрессивное воздействие на инакомыслящих. То, что раньше было тягчайшим государственным преступлением, ныне во многих случаях в целом безопасное и весьма перспективное средство сделать политическую карьеру, образовать партию, получить власть, влияние и известность. И коли этот канал существует, им, естественно, будут пользоваться. И раз репрессии по отношению к сторонникам национализма из-за общего политического климата перестают быть успешными, а то и вовсе отсутствуют, число национальных движений растет.

Конечно, национализм существовал и при самых сильных репрессиях. Но любое явление приобретает наиболее широкие и мощные очертания, только когда сняты жесткие препоны. Вспомните историю профсоюзов или некоторых политических партий. Они выживали и при запретах, и в подполье. Но наиболее влиятельными они становятся все же при легализации или признании де-факто<sup>30</sup>. Национализм также может вдохновляться примером других, как это было в революциях или антиколониальной борьбе. Следует также иметь в виду и несравнимую с прежними временами возможность помогать сепаратистам из-за рубежа.

В наиболее же общем плане логичен вывод: **поскольку усиливаются наднациональные связи, естественно, что могут ослабеть внутринациональные, ибо часть напряжения переходит вовне.** И в плохо сращенных местах при определенных условиях могут возникнуть трещины. А с учетом распространенности и оправданности в глазах общественного мнения национализма различные причины сепаратизма легче и удобнее камуфлировать именно под него.

---

<sup>30</sup> Напомню общеизвестные цифры. До февральской революции в партии большевиков было 30 тыс. членов. К Октябрю их стало более 300 тысяч. А затем уже многие миллионы.

Таким образом, получается, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: национализм усиливается потому, что ослабевают как системы национальные государства. Но парадоксальности здесь нет. Поскольку наций как совершенно обособленных и гомогенных сущностей нет, а они представляют собой более или менее сплоченные определенным сходством, условиями и внешними рамками общности, постольку при определенных условиях их сплоченность и однородность усиливаются, а при других – напротив, ослабевают. И формирование надгосударственных общностей как раз и является таким условием. В этой связи очень наглядно проясняется двойственная этнополитическая природа наций, причем в зависимости от обстановки сдвиг может быть как в одну, так и в другую сторону.

В целом национализм в мире как бы заново тасует колоду государств, чтобы создать новые наднациональные образования. Ведь не все страны способны легко интегрироваться в них. Насколько мог вписаться СССР в европейское или азиатские сообщества? Это проблематично. В любом случае его наследники осуществят это намного легче. Прежде крупные империи были пределом интеграции, и они соседствовали с мелкими государствами. Теперь крупные межгосударственные сообщества становятся нормой, следовательно, старые связи, как менее насущные, могут рваться. Поэтому распад крупных многонациональных государств играет объективно прогрессивную роль, в конечном счете способствуя уменьшению национального эгоизма.

Однако найти объяснение и место какого-то процесса в мировой эволюции совсем не значит признать также его наиболее оптимальным и тем более нравственно принять его. Поэтому такую дезинтеграцию нельзя приветствовать. Ведь для современного мира не меньшую, а, вероятно, большую значимость имеют стабильность и предсказуемость. Такие способы, какими пользуются оголтелые националисты, не отвечают уже уровню развития человечества, ведут к деградации районов, установлению жестких режимов, массовой ломке человеческих судеб и жизнью<sup>31</sup>. И подобно тому как револю-

---

<sup>31</sup> Такие процессы, связанные с борьбой, войнами между нациями, классами, государствами, Булдинг называл диалектическими, подчеркивая, что они более важны на коротких

ции, хотя и выполняли исторически относительно прогрессивную роль, но, из-за того, что являлись крайне опасными, разрушительными и жестокими, в конце концов были заменены реформами, так и в данном случае путь к интеграции не обязательно лежит через национальную вражду.

Итак, можно сказать однозначно: сепаратизм становится весьма опасным и разрушительным процессом. Чаще всего такие движения идут под лозунгом того, что данная нация должна иметь свое государство. Много лет назад этот принцип был разоблачен как миф, который не только является совершенно неприменимым на практике, но никогда и не был ясно сформулирован<sup>32</sup>. Логические аргументы против него достаточно весомые: «Даже если кто-то и знает, что он имеет в виду, когда говорит о национальности, все же остается не вполне ясным, почему национальность должна считаться более важной и более фундаментальной политической категорией, чем, к примеру, религия, рождение в определенном географическом регионе, лояльность по отношению к правящей династии или, наконец, политические, например, демократические убеждения (последние, можно сказать, являются объединяющим фактором многоязычной Швейцарии). И в то время как религия, территория или политические убеждения могут быть более или менее ясно определены, никто не может внятно сказать, что он имеет в виду под нацией, чтобы этот фактор мог послужить основанием для практической политики»<sup>33</sup>.

Однако идеологии, с одной стороны, и логика с рационализмом – с другой – вещи, плохо совместимые. К тому же, если обратиться к цифрам, на первый взгляд кажется, что идея национального государства вполне подтверждается практикой. По подсчетам, которые производились еще до распада СССР, Югославии и Чехословакии,

---

отрезках, в отличие от недиалектических, то есть длительных, более незаметных и мягких. (См.: Boulding K. A Primer of Social Dynamics: History as Dialectics and Development. N. Y., 1970. P. V–VIII and others.) Общеизвестно, что в результате этнических конфликтов в обществе возникают серьезные проблемы, мешающие его развитию. Иногда эти конфликты становятся даже главным препятствием для прогресса. (См.: Stavenhagen R. Ethnic Conflicts and Nation-State. L.: N. Y., 1996. P. IX.)

<sup>32</sup> Поппер К. Ук. соч. С. 63–64.

<sup>33</sup> Поппер К. Ук. соч. С. 63.

из 164 государств, в которых проживало большинство населения мира, 45 стран являлись однопациональными, то есть в них более 95% населения принадлежит к одному этносу<sup>34</sup>. Еще в 62 странах выделяется ведущий этнос, составляющий от 60 до 95% населения<sup>35</sup>. С остальными дело обстоит совсем по-иному: тут и многонациональность, и смешанность населения, и пограничные споры с соседями, и прочее. После распада указанных стран ситуация вроде бы еще более выровнялась в пользу национального государства. Однако в национальном плане тут далеко не все благополучно. Посмотрим на СНГ или бывшую Югославию. Там нет ни одной страны, где бы не осталось национальных меньшинств. И развитие нередко идет то в русле притеснения этих меньшинств, то борьбы последних. Если же сепаратизм разорвет такие страны, как Индия или Китай, то мировое сообщество погрязнет в урегулировании бессмысленных конфликтов.

Кроме того, – и это особенно важно – начинается дробление даже тех наций, которые казались вполне сплоченными. Национализм, точнее псевдонационализм («хилые национализмы», по Гарольду Берману), начинает угрожать стабильности повсюду и разъедать общества. Поэтому, мне думается, этот процесс уже подходит к своему зениту. Говоря физическим языком, его масса достаточно скоро достигнет критической точки, после чего он пойдет на убыль и отношение к нему в мировом сообществе (особенно среди ведущих и развитых стран) начнет изменяться. И уже в сравнительно недалеком будущем право наций на самоопределение перестанет рассматриваться как безусловное, появятся эффективные инструменты воздействия на сепаратистов, а также более тонкие формы решения национально-политических проблем, не влекущие столь негативных последствий.

Конечно, сегодня идут очень разные процессы. И можно вслед за Дейчем спросить, становится ли объединение наций более гомогенным и однородным или, напротив, еще более различным и разделенным?<sup>36</sup> Однако в плане исторической перспективы очевидно,

---

<sup>34</sup> Данные взяты из: Мировое политическое развитие: век XX. М., 1995. С. 204.

<sup>35</sup> Там же. С. 204.

<sup>36</sup> Deutsch K. W. Nationalism and its Alternatives. N. Y., 1969. P. 129.

что национализм как агрессивный сепаратизм, как непримиримая и ортодоксальная идеология, порождающая терроризм и войны, должен отойти на второй-третий план. Это было очевидным и тридцать лет назад, когда З. Бжезинский писал, что национализм перестает быть главной силой, определяющей характер перемен нашего времени<sup>37</sup>. Само собой, что этот результат не запрограммирован и не фатален. При каком-то изломе политики крупного государства, при близорукости или совершенно новой ситуации развитие может пойти по плохому сценарию. Но на сегодняшний день движущие силы интеграции в общем плане выглядят достаточно мощными.

Разумеется, втягиваться в мировую политическую интеграцию такой сверхдержаве, как США, через всю историю которых проходит красной нитью культ нации (Лернер), возможно, будет очень не просто. Но сейчас, на первых порах, их мощь и численность населения вполне соответствуют мощи и численности населения объединенной Европы. А в будущем, по-видимому, необходимость облегчит эту задачу. Ведь США, вполне вероятно, предстоит играть роль центра в интеграции всей Америки, а может быть, и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Верно, что и в дальнейшем могут найтись государства, которые «будут следовать агрессивному курсу в отношении своих соседей, чтобы наложить свою руку на природные ресурсы, защитить этнические меньшинства или держать соседние страны настороже»<sup>38</sup>. Но, думается, это станет уже исключением. Безусловно, и в последующие десятилетия могут возникать вспышки национализма. Ведь поскольку мир развит неравномерно, одни страны будут уже уходить от этого, а другие лишь подтягиваться к такому этапу. Но в целом он пойдет на спад.

Следовательно, хотя, бесспорно, нас ждут еще десятилетия, когда националистические проблемы будут весьма острыми в отдельных районах и странах, можно однозначно сказать, что **политический национализм как явление, как идеология, как**

---

<sup>37</sup> Brzezinski Z. Op. cit. P. 54.

<sup>38</sup> Купер Р. К 2015 г. появится много новых «Южных Корей» и «Ираков»//Известия. 20 марта 1998. № 51. С. 5.

**направление развития означает путь в тупик, путь, противоположный генеральной линии развития мира.**

С другой стороны, еще яснее обнаружится тенденция к постепенному отказу от части национального суверенитета в пользу наднациональных, региональных и мирового сообществ. Эта тенденция весьма ясно вырисовалась уже и сейчас, но эффектные и яркие вспышки национализма затемняют ее глобальную и магистральную суть. С послевоенного времени многие страны начинают добровольно ограничивать свой суверенитет в казалось бы наиболее важных вещах<sup>39</sup>, сначала экономических, потом социальных и политических. Это касается права устанавливать пошлины и налоги и определять их размеры, запрещать и поощрять ввоз и вывоз товаров и какие-то виды деятельности, печатать деньги, устанавливать правила содержания заключенных и использования их труда, вводить те или иные политические свободы или ограничивать их, проводить войсковые учения, а также еще массу политических или военно-политических вещей. В конце концов, главное в суверенитете: право войны и мира, правила выборов и избирательных цензов и другое – под международным контролем. И все это, и многое другое, безусловно, означает, что **внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые регулируются только национальными законами и условиями, сужаются, а международное, региональное или союзное (определенного сообщества) право расширяется.**

**Это и есть главное доказательство того, что национализм во всемирном масштабе ограничивается и сокращается, и в перспективе этот процесс должен усилиться.**

И – что важно отметить – наиболее заметно сокращается национализм наиболее передовых наций, по большей части уже переболевших им. И особенно это очевидно в Европе. Даже такие нации, как швейцарцы, начинают думать о вхождении в ЕС. Вслед за передовыми идут и другие страны, в которых порой даже самые ярые националисты соглашаются на ограничение суверенитета.

---

<sup>39</sup> В это же и даже в более раннее время популярной стала идея мирового правительства. А в начале века дебатировался лозунг Соединенных Штатов Европы.

Вышеизложенное позволяет в плане генерального развития в рамках задач этой главы сказать, что идет **процесс постепенного перехода мира к пространственно-временным группировкам нового типа – устойчивым добровольным наднациональным политико-экономическим объединениям**. В результате, как сказано, национализм уменьшается. Но, конечно, если наднациональные сообщества становятся для некоторых более привлекательными, чем национальные, то кое-где может временно усилиться и тенденция к расколу, казалось бы, спаянных наций и, как следствие, ослабевать и взламываться национальные государственные крепления. Так, в позднее средневековье микросоциальства с легкостью входили и выходили из состава более крупных, чтобы присоединиться к ведущим.

Постоянные разговоры о национальных движениях, их шумовые акции и все с этим связанное могут побудить читателя воспринять утверждения о том, что националистическая активность – неперспективная линия развития человечества, которая в достаточно скором по историческим меркам (т. е. несколько десятилетий) времени должна пойти на спад, с большим скепсисом. Поэтому я хотел бы предложить такую аналогию. Представим себе период после реставрации Бурбонов во Франции в 10–20-е годы XIX века. Почти повсеместно господствует монархизм. Мало того, по сравнению с прежними эпохами он стал агрессивным. Монархи забывают интересы своих стран перед общей угрозой тронам. Они формируют собственный Священный союз и соответствующую идеологию. Немногие, не считая революционеров, поверили бы тогда, что монархизм исторически обречен частью исчезнуть, частью стать просто декорацией, оставаясь лишь кое-где на периферии. Но непредвзятому аналитику это было бы в целом ясно, поскольку тенденция уже обозначилась.

Сказанное касается и положения дворянства и аристократии в аналогичное время. Поверили бы в России, что дворянство полностью исчезнет через сто лет? Вряд ли. А в 20–30-е годы XX века многие ли всерьез считали, что колониальным империям осталось жить очень недолго?

Таким образом, уйдут не нации и национальные различия, а уйдет как мощная сила национализм, раскалывающий государства, создающий угрозу безопасности, терроризирующий мир, развязывающий войны и т. д. Как ушел революционный напор, но социальные проблемы (хотя и другого уровня) не уходят. Только решаются они совсем иными методами. Сегодня революционные всплески бывают лишь в периферийных районах. Следовательно, национальные вопросы, проблемы и отношения перейдут из сферы самых острых политических проблем, жарких схваток и прочего в более низкую сферу. Примерно так, как это случилось с религией в развитых странах. Естественно, что речь идет о длительном периоде, о генеральной линии (которой могут быть противопоставлены иные), о неравномерном движении, временами идущем вбок или вспять, о том, что перелом в пользу общечеловеческого может сопровождаться различными конфликтами.

Вектор генерального развития пошел в сторону создания наднациональных образований нового типа и, следовательно, в сторону преобладания региональных и мировых интересов над национальными. Параллельно идет и формирование нового общечеловеческого сознания. Дэйн Радьяр удачно назвал этот процесс «планетаризацией сознания». Естественно, что такое развитие не может быть быстрым, легким и безболезненным. Напротив, главное противоречие современности (в рамках теории исторического процесса) обозначилось уже сегодня, а завтра станет совершенно очевидным. **Это противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным эгоизмом.** Оно проявляется в самых разнообразных формах, как легко узнаваемых, так и подспудных. Агрессивность квазицивилизаций, рост национализма – это лишь начальные этапы такого процесса. Между тем впереди проблемы, связанные с ограничениями в принятии решений политически и экономически свободными и самостоятельными странами. А такое ограничение требует и определенных политических механизмов. И значит, необходима трансформация традиционных демократических структур, над которыми должны надстроиться надгосударственные. И здесь, без сомнения, будет очень много трений и столкновений, пока идея приоритета мировых интересов над наци-

ональными не возобладает в умах хотя бы граждан передовых стран. Даже для частичного преодоления указанного выше противоречия среди многого другого потребуются совместить демократию внутри общества с общечеловеческими интересами. А международное право должно возобладать над внутренним.

Будет кстати высказать и некоторые предположения о том, как могут идти перестройка в области национального производства и увязка его с мировыми интересами. Во-первых, здесь крайне желательны договоренности об ограничении экономического роста. Разумеется, это очень трудный шаг. Но до тех пор, пока между странами будет господствовать дух соперничества в том, у кого быстрее растет валовой продукт, пока главным критерием оценки работы правительств останется величина роста производства и потребления, многие общемировые проблемы не решить. Нужно квотирование темпов роста хотя бы в тех областях экономики, которые вредно влияют на природу. Точнее, нужно начать с этого. Во-вторых, необходимо совместить стремление к развитию с необходимостью беречь природу и здоровье. Для этого желательно двигаться в сторону постепенного отказа от накачивания искусственного спроса и бесконечной смены добротных вещей только потому, что они «устарели». Производство должно переориентироваться от наращивания выпуска товаров массового назначения к товарам и услугам, развивающим личность, а также к развитию общепольных благ (охране окружающей среды, повышению безопасности и т. п.).

Борьба между национальным или групповым эгоизмом, с одной стороны, и общемировыми потребностями – с другой, не может быть простой. Тем более в условиях усиливающихся диспропорций в росте населения между странами и нациями. Поэтому преуменьшать вероятность экологических и иных бедствий или утверждать, что все образуется само собой, было бы и абсурдно, и преступно. Но мне думается, что первый шаг на пути к ограничению анархии в наиболее опасной для человечества экологической области уже сделан. Я имею в виду Международную конференцию ООН по изменению климата в Киото в 1997 г., которая, может быть, впоследствии станет оцениваться как эпохальное событие. Как известно, там удалось договориться о том, что выброс в атмосферу так назы-

ваемых «парниковых газов», концентрация которых грозит глобальным потеплением климата, в целом к 2008–2012 годам по сравнению с 1990 г. будет сокращен на 5,2%. При этом объемы сокращения для разных стран различны. И хотя не все участники согласились с данными решениями, и хотя их выполнение может саботироваться, кажется, люди начинают находить практические механизмы решения самого главного вопроса современности и будущего, вопроса о сохранении баланса между природой и обществом. Стоит отметить и возможность переуступки квот выбросов одними государствами другим, что может способствовать реальному выполнению обязательств. Ведь в этом случае за право сделать сверхнормативные выбросы придется платить тем, кто не выбрал свою квоту. Следовательно, их сокращение станет экономически выгодным.

В связи с глобальными переменами в разных сферах жизни начинают обозначаться и контуры принципиально новых культурных группировок. Но высказать предположения об их чертах будет легче, если сначала рассмотреть причины и проявления духовного кризиса, который испытывает научно-правовая группировка западных обществ. А признание того, что он налицо, кажется, становится чуть ли не общим местом. Начало его легко прослеживается с первой мировой войны, хотя предвестники появились гораздо раньше. Его осознание становится темой многих философских и публицистических произведений 20–30-х годов. Идея кризиса выносятся в названия работ Шпенглера, Швейцера, Сорокина и других. Питирим Сорокин в конце 30-х годов писал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань...»<sup>40</sup>

Успехи техники и науки, перемены в социальной жизни после второй мировой войны, а также потребность в отстаивании идеалов свободы и демократии против угрозы тоталитаризма временно сняли ощущение остроты кризиса, однако далеко не у всех. Увеличивающееся экологическое неблагополучие, рост социальной напря-

---

<sup>40</sup> Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

женности в связи с расовыми, молодежными и прочими движениями, разгул терроризма и преступности усилили пессимистические настроения, разочарование в прогрессе, страх перед техникой, неуверенность в будущем. Динамичные и пугающие процессы в третьем мире, агрессивность фундаментализма, демографический взрыв и другое создают еще более мрачный фон. Отсутствие или ослабление спланированной идеологии разлагает общества. И хотя традиционные религии, а также всевозможные культы и секты пытаются заполнить духовный пробел, они не адекватны современным реалиям. Да и в любом случае сотни религий и сект не заменят единой веры. Тем более, что христианство, веру и духовно, и нравственно высокого уровня, начинают заменять всякого рода секты бесполезного и даже просто вредного толка. И, к слову сказать, перечисленные негативные явления западной жизни являлись и являются одним из главных козырей тех идеологий, которые боролись против Запада.

Наиболее общей причиной такого кризиса мне видится все возрастающая диспропорция между ростом производительных сил и духовным развитием. Темпы изменений производственной подсистемы намного выше, чем в духовной сфере. Это, как мы говорили, вообще свойственно обществу и человечеству в целом при переходе от одного крупного этапа (формации) к другому. Однако никогда прежде темп развития производства, техники и технологии не был столь бурным, а степень влияния на природу столь сильной. И это создает огромные трудности и вызывает тревогу. Опасность также и в том, что общественное сознание может не суметь вовремя среагировать на новые и, может быть, непоправимые изменения, а в результате развитие пойдет худшим путем.

Из сказанного можно понять: одна из фундаментальнейших причин кризиса состоит в том, что обществу не удастся вернуться к сбалансированности, к каковой оно, как и любая система, стремится. Между тем такие важнейшие его элементы, как мораль, идеология, брачно-семейные отношения, право, система социальной стратификации и другие, выработаны в условиях достаточной социальной консервативности и по своей сути для нормального функционирования требуют воспроизводства определенной стабильности.

Постоянные изменения, разрыв между поколениями, высокий уровень миграции, рост урбанизма, международных контактов, появление небывалых морально-правовых проблем и масса других вещей ведут к тому, что эти институты стабильности общества разрушаются. В результате число антиобщественных поступков, преступность, аморализм, неверие ни в какие духовные и нравственные ценности достигли ненормального для мирного времени уровня (и становятся сравнимыми с периодами полной общественной нестабильности: войн, революций, хаоса)<sup>41</sup>, а индивидуализм, общественная апатия, иждивенчество, стремление к гедонизму, психологическая тяга к переменам ради самих перемен угрожают самому существованию общества.

В конечном счете, высокий темп перемен и порожденная им неуверенность в будущем лишают жизнь смысла, а бесконечная погоня за материальными благами не может удовлетворить уже очень многих, духовно наиболее активных людей. И вследствие идеологического вакуума потребность в вере, осмысленности жизни удовлетворяется суррогатами самого худшего свойства.

Попробуем суммировать, в чем же выражается духовный кризис научно-правовой группировки, которая весь XX век мучительно трансформируется во что-то новое?

Во-первых, это связано с потерей или ослаблением веры в прогресс, разумность эволюции и утратой перспективы дальнейшего развития. Во-вторых, с падением уровня духовной культуры, превращением ее в массовую, безнравственную и антиэстетическую. В-третьих, то, что являлось гордостью западного образа жизни – техника, все больше страшит. Она расслабляет людей не только физически, но и духовно, а теперь и интеллектуально. В-четвертых, идет дальнейшая секуляризация, которая также способствует падению прежней морали и нравственных принципов. В самом деле, сексуальная революция и ее последствия, переполненность жизни эротикой, а также масса других вещей, например культ насилия, не могут не тревожить. Неудивительно, что одними (и не только мыслителями) все это воспринимается почти апокалиптичес-

---

<sup>41</sup> Сказанное, конечно, в большей мере касается крупных государств, в малых ситуациях благополучнее.

ски, и в то же время большинство не понимает ситуации и, говоря словами Печорина, бешено гоняется за удовольствиями. «Человек вновь стоит лицом к лицу с хаосом; и это тем страшнее, что большинство ничего не замечает: ведь повсюду машины работают, учреждения функционируют, научно образованные люди говорят без умолку», – восклицал Романе Гвардини<sup>42</sup>. Он называл современную культуру в широком смысле слова «не-культурной культурой», поскольку по характеру она мало напоминает то, что «мы звали культурой»<sup>43</sup>.

Очень опасен и психологический разрыв между стремительным развитием науки, информатики и техники, с одной стороны, и психическими, интеллектуальными и моральными возможностями среднего человека – с другой. Становится все труднее справляться с потоком информации, перемен, требований, которые все чаще входят в противоречие с выработанным опытом. И это генерирует отклонение в поведении от нужных обществу норм у все большего числа людей. А с учетом того, что количество источников повышенной опасности и их разрушительное влияние растут, сказанное очень усугубляет проблемы бытовой и производственной безопасности, терроризма, новейших видов преступности и т. п.

Можно говорить и о многих других явлениях. Но особенно хотелось бы заострить внимание на кризисе современного права, который углубляется. Воспользуюсь мнением специалиста: «Кризис западной традиции права – не просто кризис философии права, но и кризис самого права... Право становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль, оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности». Распад западной традиции права лишь частично берет начало в революции 1917 г. и ее последствиях для всего мира; лишь отчасти в массированном вторжении государства в экономику и бюрократизации жизни. «В значительно большей степени этот кризис проистекает из кризиса самой западной цивилизации, начавшегося в 1914 г. ...Почти все страны Запада сегодня находятся в той ситуации по отношению к праву,

---

<sup>42</sup> Гвардини Р. Конец нового времени//Феномен человека. Антология. М., 1993. С. 284.

<sup>43</sup> Там же. С. 284–285.

что ведет к презрению к закону со стороны всех классов населения. Города становятся все менее безопасны. Система обеспечения неимущих почти сломалась под тяжестью правил, которые невозможно исполнить. И богатые, и бедные, и «средние» массово нарушают налоговое законодательство. Едва ли есть хоть одна профессия, которая не обходит тот или иной правительственный закон. А само правительство сверху донизу опутано незаконными действиями. Но не это главное, а то, что единственные, кто испытывает по этому поводу угрызения совести, по-видимому, те, чьи преступления открылись»<sup>44</sup>.

К этой картине можно добавить и то, что закон все чаще превращается в кистень или инструмент ограбления зазевавшегося; и разгул феминизма в судах; и отсутствие правовых инструментов, с помощью которых можно заставить людей уважать общечеловеческие и общенациональные интересы; и возникновение правовых ситуаций в связи с совершенно новыми явлениями, которые подрывают моральные устои и важнейшие общественные институты; и многое другое. Кризис права усугубляет и наука, которая постоянно ставит сложнейшие и невероятные прежде морально-правовые задачи и подбрасывает небывалые казусы.

Следует сказать и о начавшемся кризисе в самой науке. Он стал очевиден, когда политики организовали наиболее способных ученых для создания средств, способных уничтожить человечество, а определенным его, рубежом явилась атомная бомбардировка японских городов. Корпорации ученых по-прежнему рассматривают развитие науки как самоцель, в отрыве от общей ситуации. Мало того, большинство ученых превращается в «частичных» ученых, выполняющих лишь свою долю общей работы и не представляющих последствий исследований, точнее, даже не желающих их представлять и морально отвечать за них. Все это обезличивает науку. И если раньше вера в ее абсолютную полезность затемняла ее опасные потенции, то теперь у многих надежда на науку сменилась страхом перед ней, как перед фактором, способным внезапно и непредсказуемо изменить жизнь гигантских масс людей. А то,

---

<sup>44</sup> Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. 1994. С. 53–54.

что наука по-прежнему претендует на способность справиться с нарастающими проблемами, ослабляет стремление к поиску оптимальных решений насущнейших проблем и определение средств контроля за развитием ее самой. Поскольку наука достигла зрелости намного позже, чем, скажем, право, очень возможно, что пик ее кризиса еще впереди. Тем более, что она все более коммерциализуется, а вместе с этим приобретает и многие пороки рыночной экономики.

Однако эти негативные моменты, доказывающие кризис научно-правовой группировки в целом, можно рассматривать также как показатель начавшейся трансформации в новую культурную группировку. Мы по-прежнему, как и десятилетия назад, «как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей... культурой создаваемого завтра»<sup>45</sup>. Но все-таки теперь эта будущая культура стала более очерченной. Мои предположения о некоторых чертах новой культурной группировки, в которую может перерасти научно-правовая, я и хочу высказать. Более вероятно, что в виде уже какой-то системы она сумеет сложиться лишь на базе длительно функционирующих крупных экономических и политических группировок. Очень возможно, что это будет Европейское объединение. Но поскольку и сами политические образования находятся в стадии становления, завтрашняя идеология тем более неясна. Поэтому нужно сразу оговориться, что размышления о будущем могут быть изложены лишь в самом общем плане. Говоря словами одной книги, это просто рамки для предположений. Они далеки от того, чтобы исчерпывающе указать тенденции каждого важного элемента будущего или тем более покушаться на предсказания какого-то аспекта будущего<sup>46</sup>.

Подчеркну, что я говорю сейчас о генеральной линии развития исторического процесса, как она мне видится. При этом логично думать, что и в будущем (хотя и с меньшим масштабом различий) проявятся разные линии развития. И, следовательно, группировки будущего, сложившиеся на основе постцивилизационных образова-

---

<sup>45</sup> Сорокин П. Ук. соч. С. 427.

<sup>46</sup> Kahn H. and Wiener A. The Year 2000. N. Y., 1968. P. XIX.

ний, окажутся весьма непохожими, а те или иные цивилизационные и религиозные элементы будут играть неодинаковую роль. Но думаю, что все же эти различия окажутся принципиально меньшими, чем между научно-правовой группировкой и квазицивилизациями.

Тут кстати отметить, что поскольку генеральное направление в передовых странах ведет к ограничению национального, то впоследствии это может привести и к некоторой трансформации наций, точнее, к тому, что национальные отличия в такой группировке наблюдателям за ее пределами будут казаться маловажными, как сегодня для нас маловажно отличие между шотландцем и англичанином. Станут ли говорить о **европейце** французского или немецкого происхождения, как сегодня об американце немецкого или польского происхождения, сказать сложно. Но будет неудивительно, если в глазах людей остального мира принадлежность к «европейской общности» станет главной «этнической» характеристикой жителей Европы.

Тяготение обществ друг к другу возникает по самым разным причинам и основаниям. При этом история делает выборку наиболее удачных комбинаций, которые в дальнейшем могут оказаться моделями для других. И естественно, что объединения, в которых сходство в образе жизни, культуре и других фундаментальных вещах дополнялось сходством в интересах или осознанием необходимости объединиться, могли иметь важные преимущества. Так, к концу нового времени базовыми политическими единицами стали национальные государства. Теперь, однако, постепенно ведущими становятся надгосударственные образования. И поскольку эти группировки также складываются по разным основаниям, то более устойчивыми и перспективными могут выступить именно такие, где помимо общего интереса имеются и существенные сходства. **И здесь-то как раз факт исторической, культурной, религиозной и цивилизационной близости способен оказаться очень важным.** Ибо при прочих равных условиях такая близость облегчает как процесс интеграции, так и само стремление к ней. (Хотя она отнюдь не всегда будет оказывать решающее воздействие.)

Очевидно также, что такая интеграция может вызывать определенный ренессанс цивилизационных форм, особенно там, где цивилизации еще не полностью ушли. **Но это ренессанс не цивилизаций как таковых, а некоторых цивилизационных форм, которые история пытается использовать повторно для иных уже целей.**

Следовательно, культурные группировки, которые сформируются на основе устойчивых политико-экономических группировок, могут иметь в качестве глубинного слоя всем понятные и для всех более или менее общие и близкие культурные и моральные вещи. Но ведь должно быть и нечто новое. Что это будет?

Прежде чем дать даже самый общий ответ, такое отступление. В книге Кана и Винера высказана очень ценная, на мой взгляд, мысль: если постиндустриальное общество уменьшает значимость экономических критериев, то возможен возврат ко многим предындустриальным ценностям или появление их постиндустриальных эквивалентов<sup>47</sup>.

Действительно, некоторые явления сегодня кое в чем напоминают то, что было в обществах древности. Известно, что уменьшение в эпоху капитализма роли таких социальных признаков, как статусные и сословные различия, резко усилило различия экономические (классовые). Обретение же равных и всеобщих политических прав, а при переходе к постиндустриальному обществу и многих социальных гарантий, уменьшило, в свою очередь, различия по обладанию собственностью, увеличив значение образования и известности. Но, кроме того, проявились и социальные моменты, отдаленно напоминающие первобытное общество. Например, выросла роль половозрастного деления, что выразилось не только в углублении границ между поколениями, не только в движении женщин и молодежи, но и в формировании особой идеологии этих групп. Идеологи феминизма даже утверждают, что сегодняшние проблемы связаны с тем, что наиболее важные социальные и ду-

---

<sup>47</sup> Kahn H., Wiener A. Op. cit. P. 342–343.

ховные вещи ориентированы на мужское начало. И без переориентации их на женское ситуация существенно не изменится<sup>48</sup>.

В конечном счете, в будущем, когда и эти (по сути, переходные) различия уменьшат свое значение, очень вероятен возврат к некоторым аналогам традиционных обществ и цивилизаций. Среди них нас сейчас в первую очередь интересует стабильная идеология. Но поскольку прямого возврата к старому быть не должно, надеяться на ренессанс религий, в частности христианства, в долгосрочном плане, мне кажется, не стоит (в краткосрочном, конечно, это возможно). Но в то же время отказ от принципа деидеологизации общества и обретение какой-то достаточно интегрирующей идеологии вероятны и очень желательны. И если такая идеология появится, то, может быть, она и станет ядром новой культурной группировки. Разумеется, пока она не сложилась и не овладела значительной массой, что-либо конкретное сказать о ней трудно. Можно лишь предполагать, что особую роль в ней будет играть отношение к природе, живому. В любом случае необходимо, чтобы в ней сочетались искренность веры и рациональность науки. Ведь немислимо представить себе, что последнюю можно просто отбросить или законсервировать. Но нельзя и думать, что наука бесконечно может развиваться анархически. Ведь она превратилась не просто в производительную силу, а в силу и политическую, и военную, и социальную, и моральную. Ряд ее направлений (в частности в области генетики) становится опасным и порождает сложнейшие этические и правовые проблемы. Раз она является общим достоянием человечества, то не может использоваться преимущественно в интересах определенных корпораций или групп, будь то промышленники, военные, объединения специалистов, меритократов или ученых. Таким образом, сложнейший вопрос о соотношении науки и веры, долгие столетия мучивший философию, всплывает вновь перед идеологами, но уже в ином виде.

Что еще можно предположить в такой идеологии? Крайне важно, чтобы в ней утвердились идеи сбалансированности развития.

---

<sup>48</sup> К категории увеличивших или изменивших свое значение частично относятся и этно-расовые признаки. Есть и совсем новые, например сексуальные. И активность так называемых сексуальных меньшинств растет.

Люди должны найти возможность совместить две противоположности: не отказываясь от развития и улучшения жизни, не позволять новациям существенно нарушать стабильность образа жизни, идеологии, других важнейших основ общественной крепости. Этот длительный и очень трудный процесс трансформации, конечно, затронет привычки очень широких слоев населения и может войти в противоречие с ближайшими их интересами. Естественно, что всякие резкие перемены здесь вредны, как опасно сильно тормозить на высокой скорости. Но так или иначе нужно убедить различные влиятельные группы в необходимости подчиняться общим интересам и заставить их с помощью общественного мнения считаться с ними.

Для того чтобы жизнь стала устойчивой, а развитие сбалансированным, необходимо отказаться от представлений, что развитие экономики, науки, культуры и политики может и дальше в прежней мере идти как бы автономно. Нет, постепенно их синтез усилится. В частности, экономика должна во все большей мере проникаться не только социальными, но и культурными проблемами, а культура не может быть отдана на откуп бизнесу, чтобы только делать на ней деньги, профанируя ее.

Следующий, связанный с предыдущими момент, – это сознательное стремление к ограничению потребления, к самоограничению. По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (limit). Предел роста, предел расхищения окружающей среды, предел вооружения, предел вмешательства в живую природу и т. д.<sup>49</sup> Дэйв Радьяр писал: «Мы стоим на пороге Века Синтеза: но если люди не будут готовы переступить через эгоистический индивидуализм, столь воспеваемый нашим обществом, и не научатся чувствовать и жить категориями солидарности и служения, то нам грозит пришествие синтеза тоталитарного толка, который замедлит развитие человечества»<sup>50</sup>.

---

<sup>49</sup> Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1978. P. XXIX.

<sup>50</sup> Радьяр Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. М., 1995. С. 10.

Но чтобы эта идеология стала массовой, передовые страны должны показать пример. Быть может, появится новое издание идеи «бремени белого человека», который должен спасти планету?

Поскольку речь идет о стабильности, необходимо увидеть, что же давало такую стабильность в прежние эпохи и как это применимо в ближайшем будущем. В частности, одним из вариантов такой трансформации может быть поиск путей совмещения морали и права, которые ныне сильно разошлись. Дело в том, что право не успевает за быстро изменяющейся жизнью, тем самым теряет важнейшее свое качество – стабильность с медленными изменениями. Упорядочить и ограничить новации, ведущие к серьезным проблемам и дезинтеграции, одному только праву невозможно, оно слишком отклонилось от общественного интереса в пользу частного. В союзе с моралью такое более реально. Это станет возможным, если при выработке и коллизии правовых норм важнейшим приоритетом и мерилom будет мораль и понятие нарушения общественной морали. При этом некоторые ее нарушения должны вызывать и правовые санкции, а деятельность, угрожающая общественной нравственности, правовым путем запрещаться или ограничиваться. Может быть, удастся и политическое (государственное) право «скрестить» с моралью, чем поставить какой-то заслон на пути опасных честолюбцев и проходимцев.

В некоторых цивилизациях, например исламе, нет такого разрыва между правом и моралью. Возможно, это станет преимуществом исламских стран в будущем. Если такое направление синтеза нравственности и закона проявится<sup>51</sup>, то в этом случае цивилизационные традиции могут внести дополнительные различия и в правовые системы, но, с другой стороны, поскольку они должны идти к унификации, это во многом облегчит и притирку морали.

Мне думается, что настает время пересмотреть и некоторые вещи, которые кажутся «священными» и «неотъемлемыми». Следует поставить под контроль не только развитие науки, но и свобо-

---

<sup>51</sup> Может быть, одним из первых предвестников этого является общее решение многих развитых стран признать преступлением взятку должностным лицам иностранных государств, что ограничит беспринципность бизнесменов. Одновременно это и свидетельство усиления тенденции к приоритетности надгосударственного права перед государственным.

ду слова и информации, ибо разрушительность антиобщественной, аморальной и антикультурной информации становится все сильнее. Речь, конечно, идет не о возрождении тоталитаризма, а о том, что ряд институтов и принципов, переходя определенный оптимум, требует регулирования<sup>52</sup>. Так произошло со «священным» правом частной собственности, и она уже в течение последних ста лет постоянно подвергается различным ограничениям. Так должно быть со «священным» правом свободы слова и «творчества», под флагом которого в корыстных целях развращаются миллионы и миллионы людей. Ведь поскольку интеллектуальная продукция стала товаром, она должна подвергаться тем же, а то и большим ограничениям, что и обычные товары, и соответствовать стандартам безопасности для здоровья (в данном случае психического), следовательно, вписываться в определенные морально-правовые рамки.

Если верно, что в будущем главный интерес «экономики» будет связан с воздействием на человека, его тело, интеллект и психику, то, вероятно, наследие некоторых цивилизаций окажется очень уместным и востребует. Например, массовое распространение могут получить поразительные достижения индобуддийской цивилизации в области подчинения тела духу, дающие удивительный эффект в плане организации здорового образа жизни. Уже и сегодня многое из йоги и других систем достаточно популярно во всем мире.

\* \* \*

Итак, мы завершили обзор развития цивилизаций от их зарождения до трансформации в послецивилизационные типы и далее к пространственно-временным группировкам четвертой формации. Надеюсь, я убедил читателя в том, что определение понятия «цивилизация» как пространственно-временной группировки обществ в рамках теории исторического процесса и социологии истории наиболее продуктивно. А вычленение идеологического комплекса в

---

<sup>52</sup> Д. Белл задает вопрос, на который он желал бы получить утвердительный ответ: если удастся установить какие-то очертания предела развития экономики и технологии, очертим ли мы также предел исследований в таких культурных разработках, результаты которых ведут к переходу моральных норм и восприятию демонического, из-за убеждения, что все исследования есть «творчество»? (Bell D. Op. cit. P. XXIX).

качестве центрального элемента в таких культурных группировках дает достаточную практическую возможность для их идентификации, сравнения и анализа.

Мне думается, что проведенный в этой главе подход позволяет удачно решить проблемы, которые иначе ставят исследователей в тупик. Среди них: выделение общих черт и свойств цивилизаций и сохранение возможности показа уникальности каждой; выделение генеральной и боковых линий в развитии цивилизаций, что позволяет совместить идею единого исторического процесса и многонаправленности истории; поиск общей природы в современных религиозных и светских идеологиях; причины резкого подъема роли религии и национализма в последние десятилетия; сохранение больших различий в образе жизни населения западных и незападных стран при более сходной производственной базе; причины кризиса права, демократии и духовных ценностей в современном мире и ряд других.

В то же время моя теория не только не противоречит многим другим взглядам, как общим, так и частным, но и удачно интегрируется с ними. Однако эта интеграция становится продуктивной лишь при соподчинении точек зрения путем локализации сферы действия каждой и определения степени их применимости. И возвращаясь вновь к этому вопросу, хочу сказать, что в рамках теории исторического процесса и в целом теории истории попытки совместить формационный и антропологический подходы для более глубокого объяснения цивилизационного развития человечества будут и впредь неудачными и лишь затемнят ситуацию. Причин тому много, и мы о них говорили. Одна из важных заключается в том, что фактически для объяснения исторического здесь пытаются использовать, по сути, внеисторические факторы, каковыми выступают события «давно минувших дней» или вовсе «природа человека», неясные «гуманистические» свойства или потребности индивида и т. п.

Безусловно, в объеме конкретных историографических проблем антропологический подход в соединении со специфическими историографическими или историко-социологическими методами вполне может быть продуктивным. Но стоит выйти за рамки конкрет-

ных исследований, как мы сталкиваемся с непреодолимыми трудностями. Мне кажется, что это одна из причин того, что в нашей науке очень заметными стали мысли о некоей предначертанности сегодняшнего развития многих стран и регионов событиями, которые произошли тысячи лет назад.

Проделанный экскурс ни в коем случае не предопределяет исследования исторического процесса в целом. Это своего рода шурф в его массиве или его вертикальный разрез, позволяющий сделать некоторые предварительные выводы. Именно поэтому такое исследование было помещено в разделе введения в теорию исторического процесса. Но мы и далее будем так или иначе затрагивать проблему цивилизаций.

*(Продолжение следует)*